

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСЛЕ ЛИССАБОНСКИХ САММИТОВ

За прошедшее десятилетие, с тех пор как в Вашингтоне была принята предыдущая Стратегическая концепция НАТО, мир сильно изменился. Мир 1999 г. не знал мирового экономического кризиса. То был мир Аль-Каиды, Гугл и Беслана, мир Клинтона, Блэра, Шрёдера, Ширака и Путина, мир «башен-близнецов» в Нью-Йорке и Вашингтонского консенсуса. Нынешняя реальность наполнена совсем иными образами, смыслами и событиями. Коренным образом изменилась ситуация вокруг Афганистана, Ирака, Ирана, России. В каждодневный политический и политологический обиход вошли такие аббревиатуры, как: БРИК, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЕс, ДЕБ. Появились невиданные ранее угрозы, в т.ч. пиратство, кибертерроризм, технологические катастрофы нового качества.

На этом фоне взлетели вверх военные расходы Соединённых Штатов, но снизились оборонные бюджеты большинства европейских стран. В 2009 г. в Старом Свете они превышали 2% ВВП только в России, Великобритании, Болгарии, Эстонии, Франции, Греции, Латвии и Турции. К настоящему времени поредела и эта небольшая группа стран. Совсем по-иному позиционирует себя в мире Китай, отношение к которому также изменилось. Теперь это уже почти никем не оспариваемый тяжеловес XXI в.

Политико-военный ландшафт в Европе претерпел существенные изменения. В переговорную практику прочно вошла идея панъвропейского пространства безопасности без разделительных линий. Россия активизировала свою деятельность по трекам ОБСЕ, НАТО, ЕС. Лиссабонский саммит НАТО был обрамлён такими важными событиями, как возобновление встреч в формате «большой тройки» во французском Довиле, складывание «новой Антанты» между Парижем и Лондоном, проведение саммита ОБСЕ в Казахстане. Всё это происходит на фоне начавшегося исторического примирения между Москвой и Варшавой.

Принятию новой стратегической концепции Североатлантического альянса предшествовала работа «группы мудрецов» под руководством Мадлен Олбрайт с участием России. Те предварительные документы, которые выходили из-под пера членов этой группы, не предвещали больших изменений в деятельности НАТО. Важным моментом стало завершение совместного анализа общих угроз безопасности XXI в., среди которых - Афганистан, ОМУ, терроризм, пиратство, природные и техногенные катастрофы. Однако Лиссабон преподнёс неожиданности, которые, впрочем, щедро сдобрены традиционными подходами.

В центре концепции по-прежнему 5-я статья Устава НАТО о коллективной самообороне. В то же время в документе говорится, что вероятность нападения на участников пакта с использованием обычных видов вооружений резко снизилась. На первый план выдвинулись неконвенциональные угрозы: терроризм, распространение ОМУ, наркотрафик и др. В связи с этим встаёт вопрос: каким образом задействуют 5-ю статью в случае, если будет брошен масштабный вызов со стороны одной из новых угроз? Предположим, на одного из членов Альянса совершается кибератака. Как в этой ситуации принимаются решения о применении коллективной самообороны? Ответов на эти и смежные вопросы пока нет. Генеральный секретарь НАТО Расмуссен назвал сложившуюся ситуацию «творческой неопределённостью».

Другой важный блок новой концепции - проблематика ПРО.

Напомним, что с Россией Североатлантический пакт ещё с 2003 г. вёл переговоры о ПРО ТВД. Однако они были прерваны после очередного этапа гражданской войны в Грузии в августе 2008 г. и замораживания сотрудничества в рамках Совета России -НАТО. Теперь же речь идёт о взаимодействии сторон по созданию территориальной ПРО в Европе. В 2009 г. главное препятствие для этого - развитие Соединёнными Штатами 3-го позиционного района национальной ПРО в Польше и Чехии - было снято. Но до конца ситуация так и не прояснилась: Вашингтон от идеи не отказался и объявил об «адаптивном многофазовом подходе» с привлечением таких стран, как Румыния и Болгария. В развитие идеи территориальной ПРО в Европе Россия выдвинула идею «секторальной ПРО», которая также нуждается в дальнейшем уточнении и согласовании.

И всё же принципиально важно, что России предложили подключиться к созданию европейской ПРО. В то же время обсуждение спорных вопросов оставлено на потом. Так, в Совместном заявлении по итогам саммита Россия - НАТО говорится: «Мы поручили Совету разработать всеобъемлющий совместный анализ будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны», а также договорились о «совместной оценке угроз со стороны баллистических ракет». Эти формулировки свидетельствуют, что главная работа по претворению деклараций в жизнь ещё впереди. Одновременно нельзя не приветствовать, что в итоговой Декларации саммита сказано: «НАТО не представляет угрозы для России», хотя её подписанты, по всей видимости, сохраняют за собой право сомневаться в том, перестала ли Россия представлять угрозу для Альянса. Его отношение к этому облечено в двусмысленную формулировку: «мы хотим видеть реальное стратегическое партнёрство между НАТО и Россией». Тем самым, даётся понять, что до того партнёрства не было, оно возможно, но не неизбежно.

Тема противоракетной обороны имела большое значение в процессе разработки новой стратегической концепции и с иного угла зрения - ПРО, как альтернатива ядерному сдерживанию НАТО. Закопёрщиком этой идеи выступает в первую очередь Германия, а точнее - члены правящей коалиции из партии Свободных демократов. Именно они добиваются вывода с европейской территории НАТО тактического ядерного оружия США.

Надо сказать, что с начала 1990-х гг. количество этого оружия в Западной Европе снизилось более чем на 80%. Однако пока порядка 200 ядерных бомб продолжают размещаться в Германии, Голландии, Бельгии, Италии и Турции. Свежий ветер в паруса требований свободных демократов подул из Праги, где в апреле 2009 г. Барак Обама призвал к «глобальному нулю», правда, оговорившись, что этого не произойдет в течение жизни его поколения. В свою очередь, Франция и Великобритания не поддержали позицию Германии. Главными же лоббистами сохранения американского тактического ядерного оружия в Европе выступили прибалты и ряд стран Восточной Европы. Для них оно до сих пор символизирует гарантию против воображаемой агрессии со стороны России.

К настоящему моменту в НАТО в отношении этой проблемы сложился консенсус на основе «пяти принципов» Х. Клинтон, озвученных в начале 2010 г. в Таллине. Среди них: НАТО остаётся военным союзом с ядерным потенциалом; НАТО будет стремиться к снижению роли и значения ядерного оружия; НАТО будет создавать территориальную систему противоракетной обороны; НАТО будет вести с Россией переговоры о сокращении вооружений. Пока же можно с уверенностью говорить лишь о том, что со временем роль тактического ядерного оружия в Европе будет медленно, но неизбежно снижаться. Например, Германия собирается заменить к 2015 г. парк военных самолётов «Торнадо» на «Гайфун». Последние же, как планируется, не будут иметь технических возможностей нести ядерные бомбы.

Обращает на себя внимание тот факт, что в стратегической концепции ни разу не упоминается Иран, хотя название этой страны в Лиссабоне было у всех на устах. Дело в том, что против этого ратовала Турция, которая категорически отказывается портить отношения со своим южным соседом. Поэтому в данной своей части документ содержит «секрет полишинеля».

Иная ситуация сложилась с тезисом «политики открытых дверей», который вновь акцентировано, с упоминанием конкретных стран - Грузии и Украины, а не каких-либо других, вошёл в новую концепцию, фактически повторив формулу Бухарестского саммита НАТО 2008 г. И в то же время, Н. Саркози недвусмысленно заявил, что Альянс не собирается импортировать внутренние проблемы других государств, давая, тем самым, понять, что «проблемным странам» вход в НАТО в обозримом будущем закрыт. Таким образом, как и в ситуации с Ираном, страны не упоминаются, но все понимают, что это лишь формальность, Грузия и Украина в тексте фигурируют, хотя и это остаётся той же формальностью. Кроме того, формулировки концепции в отношении потенциальных членов Альянса оказались, мягко сказать, некорректными в отношении Украины, которая незадолго до Лиссабонского саммита объявила о своём внеблоковом статусе. Такая «нерасторопность» авторов концепции была несколько сглажена в итоговой Декларации, в которой говорится об уважении решения Киева. Но и Декларация свойственен очень неровный характер. Например, в ней содержится призыв к России пересмотреть признание независимости Абхазии и

Южной Осетии, (хотя ясно, что этого не случится); в противном случае Москва рискует капитальным образом подорвать свой авторитет на международной арене и особенно на Кавказе.

Не может не вызывать скепсиса и такой пассаж концепции: «расширение НАТО внесло положительный вклад в безопасность союзников». С точки зрения России именно политика расширения НАТО без оглядки на интересы безопасности других государств спровоцировала военный конфликт на Южном Кавказе в 2008 г., привела к значительным человеческим жертвам и в целом к расшатыванию европейской безопасности.

Наиболее реальным элементом стратегического сотрудничества Россия - НАТО является проблематика Афганистана. Именно она стояла в центре внимания саммита Россия - НАТО в Лиссабоне. По этому направлению в очередной раз был достигнут значительный прогресс. Принято решение о создании «трастового фонда», который позволит поставлять в Афганистан российские вертолёты МИ-17, обеспечивать их эксплуатацию и готовить соответствующий персонал. Кроме того, Россия объявила о готовности осуществлять через свою территорию обратный транзит нелетальных грузов, расширяя т.о. своё содействие операции НАТО в Афганистане.

Что касается значения Афганистана для самого Альянса, то его трудно переоценить. Фактически, его стратегическая установка на расширение своей деятельности за территорией стран-членов, принятая в Вашингтоне в 1999 г., проходит в Афганистане тест на выживание. Действительно, ставки высоки. В этой азиатской стране, о которую споткнулась не одна империя, размещено 130 тыс. иностранных войск; только в 2010 г. коалиция потеряла убитыми более 600 человек - максимальное число погибших за год с начала вторжения в 2001 г. Однако решение задач, поставленных перед коалицией, также эфемерно, как и девять лет назад. Общественное мнение практически повсеместно настроено всё более антивоенно. Всё больше стран выводят свои боевые части из Афганистана; среди последних такое решение приняли Дания и Канада. На саммите НАТО в Лиссабоне странам Альянса не оставалось ничего иного, как объявить об окончательной дате окончания боевых действий в Афганистане - 2014 г.

Вне зависимости от того, как сложится судьба НАТО в Афганистане в следующие три года, уже сейчас почти не вызывает

сомнений, что в обозримом будущем никакой другой операции, близкой по масштабам на афганскую, Альянс предпринимать не сможет и не захочет. В самих США всё громче звучат голоса тех, кто считает, что с самого начала Вашингтон допустил ошибку, согласившись поднять над миссией в Афганистане натовский флаг. Всё больше разговоров о том, что Афганистан обозначил лимиты экспедиционного потенциала Альянса; усиливаются призывы наряду с НАТО развивать сотрудничество США с такими государствами, как Индия, Бразилия, Австралия. Россия в последние годы также набрала в глазах Вашингтона очки с точки зрения важности её участия в решении вопросов региональной и глобальной безопасности.

Лиссабонские саммиты, безусловно, заложили значительный потенциал для развития отношений между Россией и НАТО, хотя однозначно положительными с точки зрения безопасности нашей страны их результаты назвать трудно или, по крайней мере, преждевременно. НАТО остаётся военно-политической организацией, претендующей на ключевую роль в поддержании безопасности не только в Европе, но и далеко за её пределами. В Ней по-прежнему сильны антироссийские настроения. Ни о какой трансформации Альянса в политико-военную организацию, или в общеевропейскую организацию по безопасности, или о его встраивании в предложенную Россией панъевропейскую систему речи не идёт. Ясно, что при всей важной роли, которую НАТО играет во внешней политике Москвы, отношения с блоком должны рассматриваться лишь как одно из направлений по продвижению российских интересов в области безопасности. На этом направлении, хочется надеяться, будет всё меньше подводных камней и всё больше возможностей для взаимовыгодного сотрудничества.